ЦЕМЕНТ

Вольск, Саратовской области

29 ЯНВ. 41 Б

ТЕАТР

ДВЕ ПРЕМЬЕРЫ

Просмотрев спектакль „Последние“ в Колхозно-совхозном театре в постановке художественного руководителя т. Кузнецова, нужно прямо сказать, что театр не разрешил в ее глубины идейной сущности пьесы Горького, а просто-напросто показал жанровые картинки из быта полицейской семьи.

Чтобы раскрыть основной социальный смысл пьесы, необходимо знать, кто такой Иван Коломийцев. Он не только представитель умирающего дворянства, как его трактуют на сцене. Это махровый черносотенец, болтуш, трус и негодяй.

Воязнию перед расплатой проникнуты все движения, все поступки труса Коломийцева, даже в чужом доме он хочет „забить окно на улицу“. Но как бы ни прятался, дыхание нарастающей революции неминуемо приближалось.

Мы сказали, что театр не вскрыл основного социального конфликта, но и то, что показал, не совсем благополучно, ряд актеров трактует свои образы ошибочно или односторонне.

Остановимся на некоторых. Иван Коломийцев—центральная фигура пьесы—в исполнении Прибавочного выглядит очень бледно. Его крик, слышимый на протяжении всей пьесы, идет не от внутреннего состояния, найденого актером в каждом отдельном куске, задаче своей роли, а от шаблонного, снятого с „полочки“ крикуна-полицейского.

В этом вина не только актера, но и постановщика, не сумевшего ему помочь. Внешние и голосовые данные актера намного снижают качество спектакля.

Лещ в исполнении артиста Никитина—это какое-то тяжелое, неповоротливое, пассивное существо. Что хотел сказать актер такой

трактовкой образа—неизвестно, но его замысел в корне противоречит горьковскому образу.

Роль Якорева в исполнении артиста Саранцева ясно ему не под силу. Горький никогда и нигде не писал карикатуру, его образы человечны с головы до ног.

Что же касается других персонажей, то в театральной трактовке пьесы большинству актеров удалось правильно наметить внешний и внутренний рисунок роли.

Наиболее правильная трактовка образа это у артистки Соболевской—Любы, артистки Хайневской—Софьи. Необходимо заметить, что мизансцены в спектакле грубы, резки и не сценичны, нет рисунка, жизненной правды в переходах. Оформление спектакля слишком бледное, оно не помогает идейному раскрытию пьесы. Кроме того, все качается, так и кажется, что вот-вот рухнет.

Вторая премьера „Шутники“ Островского. И вовсе не комедия, как ее рекламирует театр, а картина московской жизни. Зачем обманывать зрителя? Если мы видим в пьесе „Последние“ играют все ведущие актеры театра, то в „Шутниках“—исключительно молодежь, добрая половина которой вчерашние участницы кружков художественной самодеятельности. Такое распределение актерских сил вызывает недоумение.

Во всяком случае пьеса „Шутники“, несмотря на старания постановщика,—спектакль сырой и низкого качества.

Надо сказать, что культура спектаклей еще не на высоте, особенно это относится к слову, языку и мизансценам, а культура спектакля—одна из важных задач, стоящих перед работниками театра.

А. Зубов.